

Международный Балтийский семинар «Георгий Адамович и ... (к проблеме изучения культуры русской диаспоры)» (Рига, 7–8 ноября 2019 г.)

Международный Балтийский семинар, организованный Научно-исследовательским центром русистики Факультета гуманитарных наук Латвийского университета, был посвящен поэту, критику и эссеисту Георгию Адамовичу, преподавателю литературы во Франции и США, как вдохновителю «парижской ноты» и одной из центральных фигур русской культуры за рубежом. В работе семинара приняли участие исследователи Венгрии, Латвии, Литвы, России, Эстонии. В приветственном слове декан факультета профессор *Индра Каранетян* высоко оценила исследовательские инициативы Центра русистики и отметила, что семинар проходит в год столетия Латвийского университета и в столетний юбилей известной газеты «Сегодня», издававшейся в Риге. Директор академической университетской библиотеки доктор филологии *Вента Коцере* рассказала об архивных материалах и раритетных изданиях, хранящихся в фондах, о русской периодике в Латвии между двумя мировыми войнами и о научных мероприятиях библиотеки.

Пленарную секцию открыл *Олег Коростылев* (ИМЛИ им. М. Горького РАН) докладом «Творческое наследие Адамовича (архивы, библиография, научная эдичия)». Научный редактор ряда серийных изданий Адамовича подвел итоги уже проделанного в области текстологии, издания, исследований архивного, критико-публицистического и эпистолярного наследия выдающегося эссеиста и определил его роль и значение в довоенный и послевоенный периоды деятельности.

В докладе ««...какой-то новый Гоголь!» (Адамович о Маяковском)» *Вера Терехина* (ИМЛИ им. М. Горького РАН) обосновала необходимость изучения критики русского зарубежья в отношении Маяковского, который привлекал особое внимание эмиграции и как олицетворение русского футуризма, и как приверженец советской власти. Докладчица отметила, что среди более чем 200 статей, рецензий, заметок, посвященных Маяковскому в эмигрантских изданиях, почти пятая часть принадлежит Адамовичу. Наиболее ценным в творчестве Маяковского для Адамовича

был его сатирический пафос: «Решительно, это какой-то новый Гоголь, которому не удастся ничего “положительного”». Суждения Адамовича о советском поэте во многом позволили Маяковскому оставаться в поле внимания эмиграции.

Татьяна Царькова (Пушкинский дом – ИРЛИ РАН) представила новые материалы из личного фонда Дмитрия Кленовского, уточняющие представления о творческой и личной биографии поэта второй волны эмиграции. Рукописи, иконография, мемориальные вещи, рецензии, некрологические публикации и другие документы расширяют знания о «настоящем мастере, <...> в поэтическом складе которого есть что-то гумилевское: мужественность, стройность композиции, стойкость в раз навсегда принятой литературной позиции» (Г. Адамович). В совместном докладе «Блок и Адамович (*urbus* в “Игле на ковре”))» *Мария Дёндёши* (Будапештский университет) и *Людмила Спроге* (Латвийский университет) заметили, что в исследованиях поэтического творчества Адамовича тема «Блок и Адамович» стала уже едва ли не «классической», в работах же по его эмигрантской прозе внимание этой проблеме почти не уделялось. Между тем образ города в рассказе с экспонированным мотивом воспоминания создан по принципам поэтики реминисценций. При этом «анненская» доминанта посыльного, «что орхидеи нам несет, дыша в башлык обледенелый», отсылает к знаковой полисемии предыдущего стиха того же сонета («Вы – блок пивной осатанелый») и разворачивается литературными ориентирами блоковской «Незнакомки». Блоковский колорит города в «Игле на ковре» навеян несколькими рассказчиками, представляющими вариативные точки зрения на историософию «странных» событий.

В докладе о виленских репликах на выступления Адамовича *Павел Лавринец* (Вильнюсский университет) отметил, что в Вильно межвоенного периода были доступны парижские периодические издания, в которых сотрудничал Адамович. Перепечатанная виленской газетой «Наше время» статья парижского критика «Незнакомка», цитирование его статей в публикациях виленских критиков Сергея Нальянча (Шовгенова), Дорофея Бохана и других, сочувственные и отрицательные отклики говорят о высокой связности поля литературы русского зарубежья, при которой в его периферийных сегментах отзывались на парижские выступления Адамовича. *Роман Войтехович* (Тартуский университет) в докладе «Еще раз о “Цветнике” Марины Цветаевой» выявил принципы отбора цитат, их расположения и комментирования; приемы комизма, как показал докладчик, превращают текст «Цветника» в художественный. Подробнее рассмотрена фитонимическая лексика, связь имени Цветаева с лексемами «цветник», «цветок», «роза», термином *Victoria Regia*, а также с идеями «антологий», «акмеизма» и т. д.

В докладе «Одоевцева и Адамович, которого не было на берегах Невы» *Юлиана Виталия Март* (Тартуский университет) сопоставила два тома мемуаров по количеству упоминаний и особенностям изображения Адамовича. В первой книге дилогии Одоевцева не раскрывает характера Адамовича, но описывает его внешность, чего нет во второй части мемуаров. Целостный образ Адамовича складывается из материалов обеих книг. В докладе обсуждались причины включения в книгу «На

берегах Сены» российских эпизодов общения Одоевцевой с Адамовичем и стратегия демифологизации образа Адамовича, сложившегося после его смерти. *Александр Данилевский* (Таллинский университет) в докладе «Адамович и Михаил Иванников (Вокруг “Дороги”») вскрыл подоплеку высокой оценки Адамовичем Иванникова: уязвленный набоковской карикатурой на себя, критик попытался принизить автора «Дара», возвысив автора повести «Дорога» (повесть вышла в том же номере «Современных записок»). Иванников превозносился как своего рода «подлинный В. Сирин», между тем Иванников всеми силами тщился не походить на Сирина. Однако вскоре Адамович запечатлел фамилию пестуемого им «конкурента Сирина» и утратил представление о творческой манере Иванникова настолько, что не смог атрибутировать рассказ «Правила игры», необычайно заинтриговавший авторитетного критика.

В докладе «Отзыв Г. В. Адамовича о творчестве С. А. Ауслендера» *Алексей Самарин* (Тартуский университет) проследил реакцию критика на «превращения русских денди в работников на ниве коммунистического просвещения». *Ирина Белобровцева* (Таллинский университет) в докладе «Адамович – *mortus* и *vivus*» показала, как Адамович, которого упрекали в делении литераторов на «своих» и «чужих», неожиданно демонстрирует эмпатию в отношении чуждого ему в эстетическом отношении автора – представителя молодого поколения русского зарубежья Леонида Зурова. Если Набоков в романе «Дар» выбирает Адамовича для карикатурного образа Христофора Мортуса, то в откликах на творчество Зурова можно усмотреть критика с «человеческим лицом», выполняющего функцию Мортуса как служителя при чумных, облегчающего болезнь. Причина тому – сочувствие писателю, настигнутому душевной болезнью.

Помимо вопросов архивных изысканий, издательской практики, научного комментария, связанных с Адамовичем, круг проблематики семинара включал в себя также исследования творчества и переводов современников, изучение источниковедческой и текстологических основ текстов русского зарубежья, введение в дискуссионное поле малоизвестных периодических изданий. Адамович и латышский поэт, прозаик, публицист Эдвартс Вирза занимались переводами французской поэзии примерно в одно и то же время. *Ивета Народовская* (Латвийский университет) сопоставила их переводы, особое внимание уделив сравнительному анализу переводов стихотворения Жозе Мария де Эредиа «Раб». Ояр Вацietис, Имантс Зиедонис, Визма Белшевица, Аманда Айпуриете выполняли переводы поэзии Цветаевой на латышский язык. Материал переводов позволил *Татьяне Барышниковой* (Латвийский университет) продемонстрировать различие стратегий передачи особенностей поэтических смыслов и выявить причины отступлений от оригинала.

В докладе «Топос Финляндии у Леонида Андреева» *Галина Боева* (Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна) раскрыла значения геокультурного топоса, с которым писатель был биографически и творчески связан последнее десятилетие своей жизни. Финляндия представлена в восприятии Андреева в контексте романтико-модернистского комплекса «Се-

вер» и культа Ибсена, а также в аспектах жизнетворчества («домостроительство» на Черной Речке) и поэтики: в произведениях «финского периода» моделируется «фьордовое» замкнутое пространство. *Григорий Утгоф* (Таллинский университет) в докладе «Писатель Бубнов» обоснованно усмотрел в персонаже романа «Подвиг» аллюзию на Ивана Лукаша, берлинского друга Владимира Набокова, хотя прототипичность Бубнова может восходить и к другим современникам писателя. *Сергей Доценко* (Таллинский университет) в докладе «“Музыкант Набоков” (о прототипе персонажа книги А. Ремизова “Учитель музыки”»)» показал, что прототипом персонажа под именем «музыкант Набоков» мог быть и композитор Николай Набоков, и его двоюродный брат – писатель, отношение к которому на рубеже 1920–1930-х годов было у Ремизова неприязненным, в том числе после отрицательной рецензии Набокова на его книгу «Звезда надзвездная».

Борис Равдин (Рига, Латвийское общество русской культуры) посвятил доклад молодому ленинградскому поэту Юрию Галю (1921–1947): в первые месяцы Второй мировой войны он попал в плен на советско-германском фронте, а на фоне смертельных болезней оказался готовым на любые репутационные издержки во имя своих стихов на страницах любой печати, пусть и коллаборационистской. *Юрий Сидяков* (Латвийский университет) представил газету «День», выходившую в Риге в 1922 г. при ближайшем участии профессора Константина Арабажина, ее участие в политической жизни Латвии и публикации, посвященные литературе и культурной жизни. *Ольга Проскурова-Тимофеева* (Латвийский университет) рассмотрела учебные книги, сборники «Родина» и «Русь», журнал «Юный читатель» и другие издания для детей и юношества рижского акционерного общества «Саламандра» 1925–1926 гг., в которых актуализировались представления о «родной стране». Понятие «родины» получало различные смысловые наполнения, поскольку издания «Саламандры» адресовались разным аудиториям – детям старожильческих семей, для которых фактической родиной была Латвия, а Россия оставалась страной родного языка и родной культуры, детям эмигрантов, у которых представления о родине вряд ли могли связываться со страной пребывания, юным читателям русского рассеяния, проживающим вне Латвии.

Большая часть представленных сюжетов, связываясь в тематические блоки «Адамович и культура диаспоры», «Адамович и советская литература», «Адамович и послевоенная литература», так или иначе соприкасалась с подготовкой многотомного собрания сочинений одного из ведущих литераторов своей эпохи. Вместе с тем Балтийский семинар показал многоаспектность культуры русского зарубежья, разнообразие изучаемого материала и соответствующее многообразие подходов и исследовательских техник.

Павел Лавринец